

Христова Г.П. (ВГУ)

ТРАДИЦИИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В СЕЛАХ ЛИСКИНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование основано на материалах фольклорно-этнографических экспедиций в Лискинский район в 1994 и 1997 годы. Информация была собрана от людей старшего поколения (1907 – 1928 гг. рождения) и содержит сведения о проведении свадебного обряда в начале XX века. Также для описания были привлечены материалы А.Путинцева «Талагайская свадьба» («Памятная книжка Воронежской губернии на 1913 год»), в которых содержатся сведения о свадебном обряде некоторых сел Лискинского района.

Состав населения изучаемых сел неоднороден и представлен группами однодворцев, получивших здесь прозвище талагаи, и группой более поздних переселенцев – бывших монастырских, или экономических крестьян – с прозвищем цуканы. В конце XX века этих названий уже не сохранилось в народной памяти, произошло стирание различий между этими группами крестьянского населения, однако отдельные специфические характеристики элементов традиционной культуры проявляются до сих пор.

Важное значение для представления о местном стиле народной культуры имеет облик традиционной свадьбы. В свадебном обряде лискинских сел ярко выражены черты южнорусского свадебного обряда. Доминантной здесь является линия контакта двух родов, поэтому большая часть обрядов происходила во время встреч представителей родов невесты и жениха.

Структура свадебного обряда представляет собой ряд обрядовых действий, разделяющихся на три фазы:

отделения от своего рода, перехода невесты в род жениха, присоединения и утверждения молодоженов в новом социальном статусе женатой пары. К первому этапу свадьбы относятся: сватовство и богомолье, запой, вечеринки (или девишники, молодешник). Второй этап – приготовление к венцу, выкуп сундука, выкуп невесты, обряд повивания. Третий этап – свадебный пир, величание гостей, обряды второго дня свадьбы (шествие ряженных с курицей, испытания невесты, застолье).

Большое значение придавалось выбору подходящей пары. В старину этот выбор осуществляли обычно родители, обосновывая свой выбор благополучием и достатком семьи, с которой собирались породниться. Учитывались также «духовные и физические качества жениха и невесты» (15, 96) Предпочтение отдавалось работающим, приученным к тяжелой крестьянской работе. Понятия о физической красоте в среде талагаев-однодворцев приводит А.Путилов: «Красивая невеста всегда высокаго роста, <...> пышная, с круглым лицом, <...> походка ея должна быть степенная. Красивый жених – “бел, кудрявый”, высокий ростом и тоже полный собою» (15, 96).

Для сватовства выбирали время, свободное от полевых и огородных хлопот – «*обтянется снопок – за девушку сваток*» (с. Тресоруково, 7). Сватать чаще всего ходили осенью, а также и «*на Филипповки, с Николы до Рождества*» (с. Копанище, 1). Раньше период от сватовства и до свадьбы мог быть достаточно продолжительным – полгода, год.

О сватовстве договаривались заранее. Предварительно, до официального сватовства в дом к невесте приходили для переговоров родители жениха. Если им не давали отказа, через некоторое время приходили уже со *сватами* – крестными отцом и матерью, и с женихом. В случае, если

жених отсутствовал на сватовстве, приносили шапку, которая должна была своим внешним видом подтверждать достоинства жениха, материальную состоятельность его семьи. В с. Старая Хворостань сваты приносили с собой специальную бутылку с веткой калины и ставили на стол – это было знаком предстоящего договора. Традиционно «красный цвет считался в народе обладающим особыми, как бы волшебными свойствами. Он отражал символику любви, брака, брачной ночи» (13, 41), видимо поэтому ветка калины часто выступает в качестве атрибута свадебного обряда.

Сваты шапку клали на стол, садились против матицы, не переступая за нее, и начинали разговор:

- *Слыхали мы, што у вас товар есть... А мы вот пакупатели!*

- *Ды тавар есть. А вы пакупаитя-та ни глядемши.*

- *Мы глядеть-та хочь не глядели, а сё-таки знаим. Да уш кали панадабитца, патребуим можат, тавар на лицо.* (15, 97)

Во время сватовства был обычай спрашивать молодых согласия на брак, хотя этот «спрос» и был чистой формальностью, решение принимали родители. Получив окончательное согласие родителей невесты, отцы жениха и невесты ударяли по рукам, приговаривая: «*таперьча тавар наш, вдарим па рукам и памолимси Богу*» (15, 98). Обряд рукобитья, широко распространенный в севернорусской свадьбе (9, 79), означал благополучное окончание сватовства и соглашение сторон.

После этого все присутствующие молились на икону, сватов усаживали за стол, угощали, решали хозяйственные вопросы, связанные со свадьбой.

Одним из архаичных элементов свадебного обряда в лискинских селах является «кладка», т.е. обрядовый выкуп за невесту. По воспоминаниям местных жителей: «*кладку*

выгаваривать – значит от жениха получать деньги за невесту. Жаних платил деньги за мене – тридцать рублей». (Нижний Икорец, 2). Чаще «выгаваривали» что-либо из одежды: *полушубок, обужу, иначе будут время тянуть, не отдадут дочь*. (Добрино, 4). Вопросы о кладке в старину имели очень важное значение, иногда от его решения зависело, состоится ли свадьба.

После положительного решения вопроса о кладке снова следовало общее моление Богу, назначался день для запоя и сватовство заканчивалось.

Уже после сватовства невеста должна была демонстрировать свой особый статус. *«Когда замуж выходят, ат сватавства начинают насить гаремычную рубаху – белую, с черной вышивкой»* (Старая Хворостань, 5). Перемену состояния девушки подчеркивал и цвет головного платка – невеста должна была носить не красный, а желтоватого цвета платок. В с. Бодеевка уже после сватовства девушке заплетали две косы.

На другой день после сватовства ходили **осматривать женихово подворье** – «место глядеть», «двор глядеть». В этом участвовали родители и крестная мать невесты для того, чтобы узнать о состоянии хозяйства жениховой семьи: *«Сматрели, заглядывали визде...»* (Тресоруково, 7) Раньше этот этап свадьбы был обязательным обрядовым действием, даже если сваты хорошо знали об экономическом состоянии жениха. Если невестиной родне не нравился дом и подворье жениха, то родители могли отказаться от свадьбы.

Главным моментом довенечной части свадьбы был **запой** (Тресоруково, Добрино – *пропой*), первое ритуальное объединение родов – совместная трапеза и своды жениха и невесты. На него собирали родственников с обеих сторон, приходили подружки невесты. Обе стороны готовили угощение. *«Прапой был как свадьба, вся*

раднѣ придеть, и зрители были – хто из саседей» (Добринo, 4). В то же время здесь решались хозяйственные вопросы, связанные с предстоящими свадебными расходами, назначали дату свадьбы. Жених с невестой присутствовали на запове и сидели вместе, это определяло их статус как уже сложившейся пары, готовой вступить в следующий период своей жизни. В с. Селявное на запове впервые жениха и невесту ставили рядом, у них спрашивали, согласны ли они на брак.

Родители невесты на запове дарили каждому из родственников жениха подарки – близким самые лучшие (рубашка, платок), остальным более скромные.

Подруги невесты «обыгрывали» жениха и невесту песнями, сначала в доме, а потом выходили на улицу. По селу шли, ударяя в косу с пением величальных песен: «По садикy, садикy», «Аннушка воду черпала», «Мы вдоль по улице пройдем», «Из-под зорьки-зари».

Запове являлся тем рубежным моментом, до которого свадьба еще могла быть отменена или отложена на неопределенный срок. После него договор уже считается окончательно состоявшимся, отказ от свадьбы невозможен.

Период от предсвадебных обрядов до свадьбы мог занимать большой промежуток времени, до года. Все это время жених навещал невесту, «привозил гостинцы» (Старая Хворостань, 5). Родители по праздникам тоже проводывали друг друга, таким образом, поддерживая отношения в двух семьях.

Начиная от запове, просватанная девушка освобождалась от всех домашних обязанностей по хозяйству и занималась приготовлением приданого. Так как готовить себе приданое каждая девушка начинала с детства, как только она научится рукоделию, то на момент сватовства, как правило, большая часть приданого была готова. После

запой до самой свадьбы невеста с помощью подруг и родственниц (сестёр, тёток) заканчивала шитьё и ткачество своего приданого, собирала *сундук*. Как правило, приданое состояло из суконных и платяных дерюжек, постели, тканых холстов, *утирников*, одежды, включая свадебный наряд. Также невеста собственноручно должна была обязательно вышить жениху рубаху и сшить штаны.

Девшишник – следующий этап свадебного комплекса – это прощание невесты с подругами, со своим девичеством. Прощание невесты с девушками представляет собой начальный этап «перехода инициального характера, который мыслится как временная смерть невесты в прежнем качестве и возрождение в новом» (10, 8). В лискинских селах сохранились разные названия этого периода свадьбы: девшишники (с. Нижний Икорец), вечеринки (с. Бодеевка, с. Старая Хворостань), молодешник (с. Селявное), все они наполнены одними и теми же обрядовыми действиями.

Накануне свадьбы к невесте вечером собирались на девшишник подруги, при входе их встречали сама невеста и родители. Подруг усаживали за стол и угощали. Специально для девшишника готовили особую выпечку для угощения подруг: *«Девкам някли какурки, такая бабышки – падругам, радням жаниховым... и начинали галасить»* (Нижний Икорец, 2).

Во время девшишника невеста прощалась с подругами: *«Станавила их у ряд и каждой шиптала, а с любимай ана плакала»* (Селявное, 6). Подруги пели, по описанию начала XX века – «не всякия песни тут поются, а “тягушшия” старинныя». (15, 104) Упоминаются песни «Уж по морю, морю синему», «Чуя, ноя мое сердечко», «Калинка с малинкой рано отцвела», «За двором кукушечка кукует», «Не дуйте ветры, мои ветерочки».

На девишник приходили родственники жениха выкупать *сундук* с приданым и *узел* со свадебным подарком для жениха от невесты: «рубашу шелковую, расстроченную нитками и “гарусами” (шелковыми шнурками), украшенную разноцветными стеклянными пуговицами, пояс из разноцветной шленки, унизанный бисером и блестками, серебряный крест на гарусном шнурке» (15, 107).

После угощения и ухода родственников жениха совершалось основное действие девишника – плетение плетенок и заплетание косы невесте: «*Брали клубок и плели плётенки – либа падружка лутшая, либа ат жениха. Играли песни «Да плела-плела плетенки». Плетенки мать клала пад тирог, а кагда павивать, мать кресная ей заплетё. Мать кресная на две разрезае плетенку и в косы вплитаить»* (Селявное, 6). Во время пения мать невесты *голосила*. Повсеместно упоминается особое значение обрядового голошения: «*без этага нильзя*».

На девишнике невесте в косу вплетали косничок – девичье украшение. Этим действием, видимо, подчёркивали то, что невеста ещё находится в прежнем статусе, т.к. коса – символ девичества (утром ей косу расплетут, а после венца сделают женскую причёску – две косы).

По окончании девишника подруги обходили село с пением величальных песен и направлялись в дом жениха, от невесты несли угощение: «*Девки бабышки несли, приходють к им и адаряють жаниха, таварища... Им ужин сабирали*» (Нижний Икорец, 2). Общее молодежное гулянье у жениха когда-то называлось *молодешником*. Во время этого застолья уже менялся характер звучавших песен (по сравнению с девишником): «<...> грустных песен не услышишь тут; поют и старинныя и новыя песни – “страданья”, но одинаково веселья». (15, 109) Только

ранним утром гости расходились по домам, а подружки невесты прямо с молодешника возвращались к невесте.

Каравайные обряды, широко распространенные в южнорусской свадьбе, на этой территории утратили свое магическое значение. Хотя упоминания о выпечке свадебного каравая встречаются, особого ритуального значения этому действию не придавалось. Обычно свадебный каравай пекла мать жениха, *«а можа каво и приглашали, хто если ни сумея, ано ахотса выхвалять, и приглашали какую знакому, куму»* (Добрино, 4).

Первый день свадьбы в лискинских селах имел разные варианты совершения основных обрядовых действий. Общий сценарий был следующим: приход в дом невесты подруг и подготовка к венчанию – расчесывание косы и одевание невесты; сидение невесты за столом, во время которого сама невеста, ее мать или лучшая подруга *причитывали* или даже *голосили*; благословление родителей, приезд за невестой представителей рода жениха; отъезд к венчанию; повивание невесты; свадебный пир. Главные различия связаны с совершением одного из главных санкционирующих обрядов свадьбы – повивания невесты и обрядов, предшествующих ему.

Начинался свадебный день в доме невесты с расплетения косы – невесту ставили посреди избы и ее близкие родственницы, обязательно замужние, расплетали косу на две. Мать и невеста голосили, подружки пели особые, печальные песни: «Шла-прошла Авдотьюшка», «Затрубили трубушки».

После этого подружки наряжали невесту. Одежда невесты соответствовала традициям этнических групп, составлявших население: в бывших однодворческих селах это комплекс с домотканой юбкой, обычно красного цвета, которую на другой день меняли на паневу, в селах с цуканским населением – сарафанный комплекс. Также

одевали расстроченую разноцветными нитками и шнурами «кухвайкю» – вид верхней утепленной одежды без рукавов. Головной убор невесты в день свадьбы состоял из «дымки» или «покрывальни» – прозрачной беловатой материи и венка из восковых цветов. Во время повивания невесте меняли головной убор на женский. В разных селах упоминаются кокошник (Ниж.Икорец), кичка (Бодеевка), шлычка (Стар.Хворостань), збруга (с. Тресоруково). В это время также звучали обрядовые плачи: *«Нивесту к венцу убирали – галасили тады»* (Ниж.Икорец, 2).

Следующий этап – благословление родителей. Невеста кланялась, становилась на колени, целовала икону, потом благодарила отца и мать за заботу, просила прощенья за грехи и благословения к венчанию. После благословения невесту усаживали в красном углу под иконы за стол, на котором стояли хлеб-соль и икона Божьей матери, гости садились по лавкам, ожидали приезда женихова «пбезда».

В доме жениха также совершались приготовления к свадьбе: наряжали лошадей, убирали в доме. Жениха благословляли родители и близкие родственники.

В дальнейшем ходе свадьбы проявляются различия в сценарии проведения обрядов. Несмотря на территориальную близость сел, в них сложились две разновидности свадебного обряда – первый с ярко выраженными признаками уксорилокальности ритуала, для которого «характерно исполнение большинства обрядов в семье (или, точнее, на территории семьи) невесты» (18, 406), второй – с признаками вирилокальности, т.е. «сосредоточенные на территории будущего мужа» (18, 405).

Первый вариант свадьбы характерен для сел с бывшим талагайским населением. В селах Старая Хворостань, Аношкино, Бодеевка жених отправлялся к венчанию из

своего дома, а за невестой ехал дружка, который должен был отвезти ее в церковь. Невесту выводили из дома с песней «К венчальному, повивальному», она становилась на дрожки и, причитывая, просила благословения у всех присутствующих: *«Ох, благослови мне, родная мамушка... Благослови мне, родный батюшка... И все добрые людюшки... Благословитя мне, ох, все краснаи девушки... Ох, мне на суд божий иттить... Злат винец палучить...»* (Старая Хворостань, 5), при этом кланялась на четыре стороны. По дороге в церковь пели «Ехали падружки усе играючи...».

После венчания невеста и жених разъезжаются по своим домам, где их встречают родители с хлебом-солью. В каждом из домов шло угощение родственников. Обед обязательно должен был включать «три ества [...]». Определенного меню этого традиционного обеда, однако, не существует, сохраняется неизменно только число кушаний» (15, 114).

После обеда у невесты устраивали *сад*: «На стол, на котором постлана чистая белая скатерть, ставится коврига хлеба. В ковригу хлеба втыкают веточку какого-нибудь дерева, если возможно, то и с листьями (по большей части боярышника), разукрашенную разноцветными бумажками, “жамками” (круглыми сахарными пряниками) и леденцами» (15, 114) подружки собираются вокруг стола, и стуча скалками по столу, поют «Невзначай ветры винули, незваная гости ехали».

И хлеб, и ветка дерева являются постоянными ритуальными атрибутами свадебного обряда. Хлеб, «наиболее сакральный вид пищи» (17, 476) символизирует достаток, изобилие и материальное благополучие. Дерево в мифологии выступает «одним из основных элементов традиционной картины мира. <...> С деревом связывают приход человека в “этот” мир и уход из него» (16, 133).

Появление деревца на столе невесты указывает на ее временную ритуальную смерть и возрождение. К тому же празднично украшенное свадебное деревце служит символом девичества и олицетворяет саму невесту.

Во время обряда с *садом* приезжал поезд с женихом, его родственниками. Перед домом им перегораживали дорогу, требуя выкупа. Такая искусственная граница имитирует сопротивление стороны невесты жениху. Условием проникновения на территорию невесты является выкуп (8, 96). Только после того, как дружки выкупят дорогу – деньгами или водкой, можно идти в дом. Жениха встречали родители невесты и провожали его к ней. Подруги торговались за косу с дружкой, требуя денег и сопровождая торг шутками. После «продажи» косы невесты подруги выдавали дружку *сад*.

В этот момент совершался кульминационный обряд свадебного действия – повивание. Зажигают венчальные свечи, привезенные женихом из церкви. Две замужние родственницы невесты обращаются к родителям невесты и всем в избе со словами: «Батюшка и мамашка, и все добрые люди! Благословите девицу убрать молодницей». После благословения женщины накидывают себе на голову покрывальник, *«и начинают убирать маладых – навивают»* (Старая Хворостань, 5). Во время повивания невесте заплетали две косы, вплетают в них *плетенки*, одевают женский головной убор. Подруги поют «Затрубили трубушки», «Катилось солнышко все по залесью», «Снарядили кукушечку». Потом молодых заставляют поцеловаться под песню «Поцеловал Федор Авдотьюшку», три раза водят вокруг стола.

После этого женихову родню угощали, подруги невесты за столом всех обыгрывали песней «Подари-ка батюшка». По окончании застолья молодые и невестина родня шли на гулянье к жениху с песней «У нас по морю».

Вторая разновидность свадебного обряда проявляется в селах, население которых сформировалось в более позднее время, в основном, с цуканским населением (Тресоруково, Доброно, Рождествено). Этот вариант свадебной обрядности получил большее распространение в южнорусских селах.

За невестой приезжал свадебный поезд с женихом. Был обычай прятать невесту, вместо нее наряжать кого-нибудь из гостей. Происходил выкуп невесты, после которого молодых вместе усаживали за стол (названия такое ритуальное сидение не имело). Следующий этап – увоз невесты из родительского дома к венчанию. Жених и невеста сразу ехали в одной повозке.

После обряда венчания совершали катания: *«праижжали кругом деревни»* (Копанице, 1). Молодые приезжали к жениху, где их встречали, благословляли родители: *«встречали молодых – стелили тулупы авциные, насыпали хлебам»* (Добрино, 4). Зерно и шуба должны были продуцировать богатую совместную жизнь. Шуба «... являлась как бы пожеланием урожая, а с ним богатства, детородства (пожелание стольких детей, сколько волос в шубе)» (13, 64). Обсыпание конфетами и монетами является более поздней разновидностью обряда.

Перед тем, как зайти в дом, мать жениха опутывала полотенцем молодых за шею. Полотенце в народном сознании символизировало дорогу, связывание полотенцем жениха и невесты означало, что по этой дороге они пойдут вместе. Кроме того, данный момент свадебного обряда является одним из переходных, и в это время молодые наиболее уязвимы, поэтому на полотенце были вышиты различные обереговые знаки, которые и должны были оградить и защитить в этот период новобрачных.

Переход со двора в дом воспринимался как одна из самых «функциональных границ» (8, 93). Женихова

крестная (или мать) в вывернутой наизнанку шубе разметает новым венником дорогу молодым, тем самым совершая очистительный обряд. Невеста в это время ещё чужая для домашних жениха, сам дом для неё также является чужим. Жених, как представитель «внутреннего локуса семьи» (8, 95) вводит её в дом. Преодоление этой границы говорит об окончательном переходе невесты в род жениха.

Молодых усаживают за стол под иконы, *«заводили со стороны, аткуда сонца заходит и над абраза»* (Копанице, 1). В отличие от первого варианта свадьбы, здесь обряд повивания совершался на территории жениха.

После него начинался свадебный пир. Существовала определенная последовательность размещения за свадебным столом: *«Тогда за стол садились на парятку: мать крёсная, мать, брат радной с жаной, бабушка, дедушка»*.

Во время застолья угощали невестиних родственников. Вечером того же дня родные шли в дом невесты и там угощали женихову родню. Сигналом к окончанию застолья служила каша, в этот момент пели *«Пора, пора гостям с двора»* (Бодеевка, 3).

Первая брачная ночь происходила в доме жениха. Молодые обычно ночевали в каком-либо нежилом помещении, например, в чулане. Был обычай *греть постель*. Его обычно выполняла либо подруга невесты (Добрينو), либо молодые замужние женщины (Тресоруково), жених должен был заплатить им.

В экспедициях 1990-х гг. старейшие жители указывали, что свадьба могла представлять собой сокращенный вариант, в зависимости от материального положения семьи, часто гуляли «одним днем», выполняя все необходимые для создания новой семейной пары обряды.

Но все же наиболее типичным является двух- или трехдневный свадебный обряд.

На второй день свадьбы «ищут невесту». Родственники невесты идут *пазывать* (Селявное, 6). В ритуальном шествии по селу обязательно участвовали ряженные. В ряжении преобладающее значение занимал такой тип маскировки, как переряживание в противоположный пол – «ясно, [...] что это переряживание имело эротическую подкладку» (14, 138). Могли одеться в оборванную и потрёпанную одежду, в различных социальных персонажей, главное в переодевании – быть неузнанным.: *«наряжались русалками, женищины в мужчин и наоборот, в солдата, в доктора»* (Тресоруково); *«рядились – ребята в сарафаны́, в цыганку, в лохмотья»* (Добрино).

Обязательным атрибутом шествия ряженных была курица: *«несли курицу наряженую в ленты, букеты, а женихова мать должна выкупать»* (Добрино). Курица – «символ плодородия, животворной любви» (12, 135), к тому же она символизирует собой женское начало. Совершая этот обряд, хотели, видимо, положительно повлиять на деторождение у новобрачных (11, 44).

По пути к дому жениха *«заходили в каждый дом, с колотушками, стучать, бьют, шутят»* (Селявное, 6). Этот обычай очень близок традиции поздравительных обходов дворов во время календарных праздников, и выполняет сходную функцию. Хозяева всегда что-нибудь давали для молодых – конфеты, деньги, яйца, курицу и т.д., родственники невесты желали хозяевам счастья и благополучия.

Придя в дом к жениху, родственники ищут спрятанную невесту. Реализуется одно из основных противопоставлений в обряде – своей и чужой стороны (8, 91). Принадлежащие когда-то к одному роду, теперь невеста и её родственники обозначают два разных рода:

гости – сторону невесты, а сама она – уже род жениха. Такому обособлению и способствуют ряженье гостей (чтобы невеста их не узнала) и прятанье невесты (чтобы гости её не видели).

После того, как молодую находят, ее подвергали проверке: *«Сыплют иголки, веник дают, невета падметаить. Бывало, тыкву аб пол трахнуть»* (Нижний Икорец, 2). Битье горшков утратило свою прежнюю символику – обозначение «честности невесты» и приобрело значение испытания невесты на хозяйственность: *«Горшки били, чтоб молодая проснулась и убирала. Она, бывало, платила девкам, чтоб за нее убирали»* (Тресоруково, 7).

После этих обрядов все шли гулять в дом к невесте.

На третий день свадьбы устраивали гулянье вскладчину у невесты. Так как специальных ритуальных действий в этот день не предполагалось, позволяли себе устраивать такое гулянье только зажиточные крестьяне

Особым отношением сельской общины молодожены пользовались в течение целого года. После свадьбы молодые всю неделю ходили в гости к родителям невесты, там их угощали. В течение года родственники старались пригласить молодых к себе на праздники в гости. Во время Масленицы молодожены пользовались особым почетом – они ходили в гости к родителям, их величали.

Как видно из описания свадебного обряда лискинских сел, достаточно компактно расположенных территориально, их обрядовые традиции имеют как близкое сходство, так заметные различия, обусловленные историческими и социально-этническими факторами.

Примечания:

1. Архив Кабинета народной музыки Воронежской государственной академии искусств (далее АКНМ ВГАИ), опись № 200.
2. АКНМ ВГАИ, опись № 201.
3. АКНМ ВГАИ, опись № 202.
4. АКНМ ВГАИ, опись № 379.
5. АКНМ ВГАИ, опись № 381.
6. АКНМ ВГАИ, опись № 382.
7. АКНМ ВГАИ, опись № 380.
8. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд (исследования и материалы). Сб. трудов. Л., 1978.
9. Гура А.В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда // Русский народный свадебный обряд (исследования и материалы). Сб. трудов. Л., 1978.
10. Ефименкова Б.Б. К типологии свадебных ритуалов восточных славян // Музыка русской свадьбы (тезисы научно-практической конференции). М., 1987.
11. Жирнова В.Г. Некоторые проблемы и итоги изучения свадебного ритуала в русском городе середины XIX – начала XX в. // Русский народный свадебный обряд (исследования и материалы). Сб. трудов. Л., 1978.
12. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901 – 1913. М., 1994.
13. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.
14. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М, 2000.
15. Путинцев А. Талагайская свадьба. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1913 год. Отд. III. Воронеж, 1913.)
16. Славянская мифология. «Дерево» Агапкина А.Т. // Энциклопедический словарь. М., 2002.
17. Славянская мифология. «Хлеб» Плотникова А.А. // Энциклопедический словарь. М., 2002.
18. Чистов К.В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян (очерки традиционной культуры). М., 1987.